

Образ великого артиста

Трудно переоценить значение сборника щепкинских материалов, выпущенного издательством «Искусство». Этот сборник является ценным вкладом в литературу о великом артисте, а стало быть, и в наше театроведение в целом. Ведь до сих пор самым полным сводом щепкинских материалов оставалось дореволюционное суворинское издание, давно ставшее библиографической редкостью.

Новая публикация не только заменяет и восполняет старую, дореволюционную — кое в чем она ее отменяет. Не говоря уже о том, что суворинское издание ни в коей мере не являлось научным, было почти совершенно лишено справочного аппарата, оно во многом искажало и опешляло облик гениального актера. В суворинских материалах, вопреки исторической правде, приукрашивались и превозносились «благодетия», оказанные Щепкину и его памяти правящей верхушкой царской России. В сборник были включены сомнительные анекдоты, принижавшие облик Щепкина, придававшие ему черты благодушно-сентиментального обывателя. С другой стороны, теснейшая идейная связь Щепкина с освободительным движением, передовые демократические убеждения великого артиста — то, чем так дорог и близок нам Щепкин, — не нашли широкого отражения.

Рецензируемый сборник (составитель А. Клиничин, редактор С. Дурылин) рисует нам подлинного Щепкина: гениального актера, основоположника критического реализма на русской сцене, автора новаторских суждений о театральном искусстве, взыскательного учителя нескольких поколений театральной молодежи, обаятельного, разносторонне одаренного человека и, что главное, — передового гражданина-патриота.

Михаил Семенович Щепкин. Записки, письма. Современники о М. С. Щепкине. «Искусство». 1952 г.

Перелистаем страницы книги. Она открывается вступительной статьей С. Дурылина, которая содержит не только тщательный и тонкий анализ творческого метода Щепкина, но и раскрывает общественные взгляды артиста, его теснейшие связи с выдающимися современниками — Белинским, Герценом, Шевченко. Впервые столь широко публикуются интересные данные о близости Щепкина к Кольцову, о знакомстве его с Лермонтовым.

За вступительной статьей следуют знаменитые «Записки актера Щепкина», начатые рукой Пушкина. Как живой, встает со страниц «Записок» сначала бойкий, умный, разносторонне талантливы крепостной мальчик, с ранних лет охваченный страстью к театру, а потом замечательный провинциальный актер Михаил Семенович Щепкин — увь! — крепостной человек графини Волькенштейн... Особый интерес представляет щепкинская характеристика старой актерской школы, театрального быта и рассказ о знаменательной встрече с князем П. Мещерским, впервые направившей его искания в сторону сценического реализма. С особым, непередаваемым волнением читаешь эти страницы, эти основополагающие и поныне являющие для нас живую ценность высказывания великого артиста о сущности сценического реализма... С огромным чувством написаны Щепкиным такие главы, как «Прошлые нравы», «Доброе старое время», где автор с горечью и болью повествует о жестокости и бездушии бар-крепостников, о растленных нравах знати.

Значительно богаче, чем в суворинском издании, представлено в сборнике эпистолярное наследие великого артиста. Ценнейший материал для понимания театральных взглядов Щепкина содержат его письма к ученикам. В них Щепкин противопоставляет внешнему, холодному имитированию переживаний требование подлинного переживания на сцене. «Не пренебрегай от-

делкой сценических положений и разных мелочей... не помни, чтоб это было вспомогательным средством... влазь, так сказать, в кожу действующего лица...», — пишет он. И далее: «Не удовлетворяйтесь одной наружной отделкой: как Вы искусно ни сделаете, а будет все от нее веять холодом... Нет! В душу роли, проникайте в самые тайники сердца человеческого».

Дружба, творческое сотрудничество Щепкина и Гоголя нашли всестороннее отражение в переписке великого писателя с великим актером. В одном из писем Щепкин дает резкий отпор попытке Гоголя толковать свою комедию в отвлеченно-моралистическом духе. Горькими сетами на современное ему положение в театре проникнуто другое письмо. «Репертуар нисколько не изменился, а все то же, мерзость и мерзость, и вот чем на старости я должен упитывать мою драматическую жажду. Знаете, это такое страдание, на которое нет слов... из артистов сделались мы поденщиками...». В примечаниях приведена заметка Гоголя, вызванная этим письмом: «О Щепкине. Вмешали в грязь, заставляют играть мелкие ничтожные роли».

О большом человеческом сердце Щепкина, о его редкой отзывчивости и теплоте говорят письма к Т. Г. Шевченко. Заботы Щепкина об опальном друге не могут не тронуть читателя. Из каждой строки переписки видно, насколько тесной была их связь, насколько сердечными взаимные чувства.

Раздел «Современники о М. С. Щепкине» (почти совершенно отсутствовавший в суворинском издании), пожалуй, с наибольшей убедительностью свидетельствует о выдающейся роли великого артиста в развитии русской демократической культуры, о его передовых общественных взглядах. Раздел возглавляют высказывания Белинского и Герцена. Оценка Щепкина-актера, данная Герценом, остается непревзойден-

ной по своей афористической меткости: «артист по призванию и по труду. Он создал правду на русской сцене, он первый стал нетеатрален на театре...». Воспоминания и высказывания других деятелей театра, писателей, родных артиста вносят много ярких дополнительных штрихов. Они говорят и о его ненависти к крепостничеству, и о его гениальных творческих достижениях, и о глубоком понимании принципов актерской этики.

Но в этот раздел следовало бы дополнительно включить страничку-другую из воспоминаний И. Панаева, А. Кони. Составители поступили принципиально правильно, заменив «Воспоминания» внука артиста М. А. Щепкина (напечатанные в суворинском издании) гораздо более ценными записками А. В. Щепкиной. Однако и некоторые ценные отрывки из «Воспоминаний» следовало использовать.

Удачно задуманный и тщательно оформленный щепкинский сборник, к сожалению, не свободен от ряда недостатков. Различные мелкие и крупные дефекты — не только опечатки и описки, но и прямые ошибки фактического и текстологического порядка — снижают ценность этого нужного и интересного издания.

Когда из сборника мы узнаем, что «впервые «Ревизор» игрался в Петербурге 19 апреля 1936 года», а «сам Щепкин мог слышать «Ревизора» от Гоголя в 1935 году», мы только удивляемся нелепой опечатке. Читая, что в 1857 году семидесятичетырехлетний Щепкин приехал в Нижний Новгород, мы, вспомнив дату рождения Щепкина, опять же сетуем на досадную опечатку (или опечатку). Указание, что «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» являются «мемуарами» С. Т. Аксакова, мы готовы счесть неточностью комментатора. Но есть в книге промахи, которые вызывают гораздо более резкое к себе отношение.

Так, вступительная статья к разделу «Переписка М. С. Щепкина с Н. В. Гоголем», ссылаясь на мемуары «одного из сыновей хозяина дома С. Т. Аксакова», утверждает, что встреча Гоголя со Щепкиным состоялась в доме Аксакова. В действительности же они впервые познакомились в доме самого Щепкина. Пространная

цитата заимствована не из воспоминаний сына Аксакова, а из устного рассказа П. М. Щепкина. В этом легко убедиться, обратившись к первоисточнику («Русская старина» за 1872 год).

Характеризуя пронибновенное понимание Щепкиным сценического реализма, С. Дурылин не раз удачно применяет яркую формулировку самого артиста, данную им в письме к А. Шуберту. Щепкин писал, что подлинный («сочувствующий») актер должен стремиться «сделаться» тем человеком, которого он представляет, а не «подделаться» под него. В вводной статье приведены эти замечательные строки письма: «Видите, во сколько труд последнего («сочувствующего» актера. — Ф. Е.) многозначительнее! Там надо только подделаться, здесь надо сделаться». Но, обратившись к тексту самого письма, с изумлением обнаруживаешь, что слова «здесь надо сделаться» по непонятной причине выпали из набора!

Безобразная опечатка резко искажает первые строки письма Щепкина к сыну, в котором дается убийственная характеристика тогдашнего репертуара. Щепкин писал: «Занятие мое по службе сделалось мне несносно, даже отвратительно». Вместо «несносно» напечатано «неясно».

Гоголь завершил своих «Игроков» не в 1848 году, как ошибочно указано в книге, а в 1842 году.

Закрывая сборник, хочется сказать, что все участвовавшие в его выпуске сделали полезное и важное дело. Книга эта очень нужна не только деятелям советского театра, преподавателям и студентам театральных учебных заведений, она представляет большой интерес и для широких кругов читателей. Но выполнена она не с той взыскательностью, не с тем чувством ответственности, к которым обязывает имя Щепкина.

Ф. ЕВНИН.